

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Чародей
Светлячок

Майкл Чу

Заранее прошу у вас прощения, ибо мой рассказ о чародейке будет долгим. Однако я единственный, кто знает ее историю целиком и полностью. История сия – мое бремя, как и то, что ожидает меня впереди. Конец ее – не секрет и не тайна. О нем расскажут как расколотый камень и обрушившиеся стены, что окружают нас, так и слухи, которыми полнится город.

Однако все, что касается магии, лишь кажется простым, и будь уверен: то, что ты, возможно, видел и слышал – лишь малая часть всей этой истории.

Пока я выздоравливал, лежа в своей постели и выслушивая заверения врачей в том, что жизнь моя вне опасности, я, не найдя других занятий, восстанавливал в памяти события минувших дней в поисках причин, приведших к этой страшной катастрофе. Я знаю эту девушку лучше, чем кто-либо еще; лучше, чем знает себя она сама, даже если она никогда этого не признает. Возможно, она самый могущественный маг нашего времени. Сердце ее чисто и желает она лишь добра, но ей владеют безрассудство и неукротимость, столь свойственные юности и одаренности. Нет таких правил, которые она бы не нарушила, и она так и не поняла значение слов *нельзя* и *не нужно*. И так было с первой же нашей встречи, состоявшейся многие годы назад.

Тот день весьма походил на сегодняшний.

* * * * *

Изендра, волшебница, ворвалась в мои комнаты, предварительно втолкнув перед собой молодую девушку. Они отличались друг от друга настолько же, насколько вода отличается от огня. Изендра в своих великолепных зеленых одеяниях с золотыми украшениями выглядела блистательно-царственно. Девчушка же напоминала небольшую птичку: она вертела головой и стреляла глазами по сторонам, зачарованная окружавшими ее предметами – выстроившимися на полках книгами, рядами бутылок, наполненных

странными жидкостями и порошками, и магическими устройствами, предназначение которых было для меня загадкой. Одежды девочки более походила на лохмотья, заскорузлые от пота и грязи. Она вполне сошла бы за одну из малолетних попрошаек с калдейского базара, что вечно кружат вокруг богатых купцов. Ее длинные темные волосы безнадежно спутались и выглядели сухими и ломкими; подобно одежде, они были покрыты пылью и грязью. Кожа девочки загорела на солнце, а губы ее потрескались и шелушились.

– Итак, это она? – спросил я Изендру, разглядывая стоявшего передо мной растрепанного ребенка.

Изендра с сомнением посмотрела на девочку. – Я нашла ее во дворе сражающейся с Маттизом, Аллерном и Талией, – в голосе волшебницы явственно слышалось раздражение. – Они с радостью приняли ее вызов.

– Судя по ее виду, она нисколько не пострадала, – промолвил я. – Что с остальными?

– Маттизом и Аллерном уже занимаются. В случае с Талией... пострадала лишь гордость.

При этих словах лицо девчушки расплылось в довольной ухмылке.

– Думаю, это к лучшему, – сказал я. – Этот урок скромности им совсем не помешает. Я разберусь с ними позже.

– Зато со мной тебе придется разобраться сейчас, старик, – заявила девочка. Голос ее был ясным и властным; уверенность, звучащая в нем, происходила из убежденности ребенка в собственной правоте.

– О, она разговаривает, – улыбнулся я Изендре.

– Да, – сухо ответила та. – И еще как.

– Кто ты? – спросила девчушка. – Зачем меня сюда привели?

– Я Валтек, верховный советник Визджереев и глава кланов магов Святилища Ишари.

Она некоторое время молчала, разглядывая меня.

– Ты?.. – наконец спросила она.

Я рассмеялся. – Скажи мне, девочка, кто ты и зачем ты пришла сюда? Вряд ли только для того, чтобы упечь моих учеников в лазарет.

– Меня зовут Ли-Минь. И я не просто девочка, – ответила она. – Я *чародейка*.

– Смелое заявление, – сказал я. Мне понадобилось сделать над собой усилие, чтобы скрыть усмешку. Девочка называла себя *чародейкой*. Титулом чародея именовали лишь самых знаменитых магов в истории мира, тех, о ком простые люди говорили со страхом, а знакомые с тайнами магии – с ужасом.

– Это не пустые слова, – в голосе Ли-Минь звучала угроза.

Я поднял ладонь, успокаивая ее. – Так покажи мне.

Едва я закончил фразу, как резкий порыв ветра смел с моего стола бумаги, книги, бутылки чернил и прочие мелочи в беспорядочную кучу на полу. Выражение моего лица не изменилось, и девочка восприняла это как своеобразное приглашение продолжать. Она развела руки в стороны, и в ее раскрытых ладонях ярко вспыхнули сгустки пламени, лизнувшие потолок. Ее волосы развевались в потоке горячего воздуха от двух столбов огня, отражения которых мерцали в карих глазах девочки.

Я пожал плечами. – Обычные фокусы.

Ли-Минь в раздражении подняла подбородок. Затем она сжала пальцы в кулаки; пламя исчезло, хоть ощущение жара и не ушло. Еще одно мановение руки – и в центре моего стола ожили змееподобные ленты раскаленного оранжево-красного цвета. Она снова взмахнула рукой, и с моих полок соскользнули ряды книг, повиснув в воздухе. Она выстроила их в линию поперек комнаты, заставив вихрем кружиться вокруг себя, а затем по одной сложила их на полу в форме трона. Усевшись на импровизированный трон, она посмотрела на меня.

Ли-Минь приподняла бровь, и я медленно и размеренно похлопал в ладоши.

– Это все, на что ты способна, девочка? – спросил я. Я лениво взмахнул рукой; пламя на моем столе погасло, а книги, на которых она сидела, рассыпались кучей на полу. Ли-Минь вскочила на ноги, вовремя избежав падения. – Люди боялись магов, которых они называли чародеями, ведь те не раз и не два ставили наш мир на грань разрушения. Мощь этих магов была столь невероятной и дикой, что сама земля дрожала, когда они плели свои заклинания. Они заключили союз с демонами Преисподней и готовы были уничтожить всех нас. Они обманывали смерть и играючи рвали ткань мироздания. Ты же разбросала вещи, принадлежащие старику, и подожгла его стол.

– Я способна на большее, – ответила она, защищаясь. – Когда-нибудь я стану величайшей чародейкой в мире.

– Мой опыт показывает, что «когда-нибудь» может наступить очень, очень поздно... и в итоге принести разочарование.

– Слышал ли ты о чуде долины реки Херон? – спросила она.

– Я слышал кое-что о том, что там произошло. Что-то о засухе и о девочке, которая попыталась исправить положение, – ответил я. – Если не ошибаюсь, они назвали ее чародейкой.

– Я и есть та чародейка, – гордо заявила Ли-Минь. – Дождей не было уже несколько месяцев, река Херон превратилась в тонкий ручеек, а поля высохли и выгорели на солнце. Жители долины думали, что с этим ничего не сделать и им только оставалось ожидать спасения от богов. Но я знала, что могу сделать то, чего не хотели делать боги.

– Возможно, тебе не стоит так запросто богохульствовать, – сказал я.

Она проигнорировала мое замечание. – Я искала воду везде. Я добыла ее из бассейнов глубоко под землей и собрала остатки того ручейка, что тек по растрескавшемуся дну реки. Я взяла всю эту воду, рассеяла по ветру и решила вызвать бурю. Поначалу ничего не происходило, и люди называли меня глупой девчонкой, машущей руками и молящейся о

дожде. Но я знала. Прошли часы, и небо потемнело. Там, где еще час назад ничего не было, появились, закрыв горизонт, серые облака; они росли и темнели, пока не заслонили собой даже солнце. Тяжелые дождевые облака стали черными, как ночь, и медленно поползли на долину. И те, кто смеялся, поверили. Со всех сторон гремел гром; вспышки молний подсвечивали облака изнутри. Воздух наполнился влагой; я ощущала ее на своей коже. С гор спускался туман. Туман превратился в морось, морось – в дождь, а дождь – в ливень. И земля выпила всю эту влагу, а река Херон вновь потекла. Вот на что я способна.

Изендра была полна скептицизма. – Ни один ребенок не способен на такое.

– Если чего-то не можешь сделать ты, это не значит, что этого не могу сделать я, – ответила Ли-Минь волшебнице, что была на два десятилетия старше ее.

– Я тоже не поверил этим слухам, – сказал я Изендре, – однако я проверил их, и все было именно так, как она рассказала. Правда, она не упомянула кое-что еще.

Ухмылка покинула лицо Ли-Минь, но ее подбородок все еще был вызывающе выпячен.

Я продолжил: – Дождь пришел и прошел, а в последующие месяцы засуха вернулась, и в этот раз она была куда страшнее. Люди обвинили во всем чародейку.

Ли-Минь тихо промолвила: – Те, кто раньше возносил мне хвалу, потребовали моего изгнания. Мои отец и мать согласились с этим решением. Я только хотела помочь. Я не знала, что произойдет потом.

– Люди не доверяют магам. Они боятся того, чего не могут понять. Любой из магов, обучавшихся в Святылище Ишари, знал бы об опасностях, сопутствующих подобному действию, – я улыбнулся. – Впрочем, если бы эти маги попробовали повторить то, что тебе удалось, я сильно сомневаюсь, что они достигли бы столь же многого.

Ли-Минь почувствовала изменение в моем отношении к ней. – Так научи меня.

– Я думал об этом, но сейчас, оценив тебя, не уверен, что ты сможешь здесь учиться. Тебе нужно многое узнать, еще больше – забыть, и я сомневаюсь, что у тебя хватит на это силы воли.

– Как ты можешь так говорить? Я сильнее любого из твоих учеников. Позови их, и я покажу тебе! Я готова сразиться и с тобой, если ты этого хочешь, старик. Мне все равно. Я пересекла море и пустыню ради того, чтобы учиться здесь, и я буду здесь учиться.

– Не тебе решать. Ответ на этот вопрос зависит лишь от меня, – сказал я.

– Позволь мне учить ее, – внезапно сказала Изендра.

– Что?.. – спросил я.

Ли-Минь с сомнением уставилась на волшебницу.

– В этой девочке что-то есть. Ты прав, наши усилия могут оказаться бесплодными, но я, как и ты сам, вижу, что у нее есть способности. Возможно, придет время, когда мы будем в ней нуждаться и пожалеем, что отослали ее прочь, – улыбнулась Изендра. – Кроме того, я вижу в ней частицу себя.

Ли-Минь покачала головой. – Не хочу. Пусть меня учит старик.

Изендра нахмурилась. – Ты должна быть довольна. Я воевала с Владыками Преисподней, когда ты была еще лишь смутной мыслью в воображении твоих родителей. И я прошла все это вовсе не для того, чтобы обучать магии невоспитанного ребенка, однако я все же предлагаю тебе стать моей ученицей.

– И мой ответ – нет, – отрезала Ли-Минь.

Я хранил молчание, размышляя, соглашаться ли с предложением Изендры. Она отличалась исключительными способностями и была почти равна мне по силе; кроме того, она обладала опытом, который мог помочь ей заинтересовать девочку и удержать ее внимание. Однако меня все-таки что-то слегка беспокоило.

– Замолчите-ка обе, – сказал я, вставая со своего места. – Знания Изендры в области элементарной магии соперничают с моими, и мне кажется, что вы найдете друг в друге много общего. Лучшего учителя для тебя не найти. Если бы я был на твоём месте, я бы искренне надеялся, что не заставил Изендру передумать. Или тебя будет учить она... или

мы посмотрим, как ты справишься с учебой сама. В истории полно забытых чародеев, которые ничего из себя не представляли.

Ли-Минь прикусила губу. – Значит, мое мнение значения не имеет?

– Нет, – ответил я. – Не имеет.

* * * * *

Это была наша первая встреча, и мои воспоминания о ней все еще хранят свою яркость. Изендра посвятила себя обучению Ли-Минь. Она стала наставницей Ли-Минь, и та прониклась к волшебнице глубоким уважением. Они были даже больше похожи друг на друга, чем я или Изендра предполагали. Однако девочка быстро исчерпала запасы знаний своей наставницы. Их отношения изменились, и Ли-Минь начала относиться к Изендре как к равной, а не как к учителю. Поведение волшебницы также постепенно менялось, и это тоже меня сильно беспокоило. Она позволяла своей ученице слишком многое. Ли-Минь была часто предоставлена самой себе, и ее поступками двигало любопытство, присущее ей с рождения, – вот тогда и появились проблемы.

Когда я застал Ли-Минь в той части библиотеки, где содержались запретные тексты, считавшиеся слишком опасными для изучения, я понял, что нужно что-то делать. Я отстранил Изендру от обучения Ли-Минь и, взяв его на себя, внимательно следил за девочкой. Я попробовал внести в ее жизнь некое подобие структуры и составил для нее программу обучения, которая должна была направить ее любопытство и интерес в безопасном направлении.

Изендру, более не обучавшую Ли-Минь, практически ничто не удерживало в Святилище Ишари, и она стала проводить здесь все меньше времени. Она по-прежнему оставалась моим хорошим другом, и ее советы были для меня бесценными. Спустя несколько лет мы

трое вновь встретились; к тому моменту Изендра уже давно жила далеко от Святилища и от своей бывшей ученицы.

Хотел бы я посоветоваться с ней сейчас...

* * * * *

Лето должно было смениться прохладными осенними и зимними днями, как ему и полагалось, однако прошел год, а изнуряющая жара, царствовавшая на просторах империи от южных границ до самых Сухих Степей на севере, так и не ушла. Было самое начало царствования императора Хакана Второго, и суеверным людям это бесконечное лето казалось дурным предзнаменованием. Даже в условиях пустыни эта жара казалась чем-то из ряда вон выходящим. Она накрыла всю страну тяжелым душным одеялом, и песчаные бури неслись сквозь выжженные пустоши, рассекая своими ударами землю. Бескрайнее море песка воистину оправдывало свое название. Дюны двигались, меняя рельеф местности и обнажая массивные скалы. Их края были настолько остры, будто исполинские зубы, торчащие из песка, окрасившегося из желтого в кроваво-красный цвет; они могли бы с легкостью разрезать как плоть, так и кости. Пустыня поглощала целые деревни, не оставляя ничего, кроме голых фундаментов или горсток кирпичей там, где когда-то стояли дома.

Прошел еще один год, и конца-края этому лету было по прежнему не видно. Империя увядала. Я послал Изендре письмо с просьбой исследовать причины этой страшной жары, а мы с Ли-Минь отправились из Калдея в самое сердце пустыни, чтобы найти ответ на тот же вопрос.

Наше путешествие продлилось несколько месяцев, но домой мы возвращались, найдя куда больше новых вопросов, чем ответов на старые. Я и Ли-Минь ехали верхом на верблюдах. На горизонте медленно вырастали строения Лут-Баадур – одного из крупнейших городов Пограничья; жизнь в пустыне была нелегкой, но все-таки возможной. Жара казалась чем-

то живым. Она проникала в тело, просачивалась под кожу и уничтожала все воспоминания о том, что такое «прохлада». На мне были легкие одеяния из хлопка; на голову я накинул капюшон для защиты от песчаных бурь, а мое лицо было закрыто куском ткани, оставлявшим открытыми лишь глаза. К моменту описываемых событий Ли-Минь из ребенка превратилась уже в молодую женщину. Исчезли последние следы девической невинности, и теперь выражение ее лица часто бывало весьма серьезным, хотя иногда эта серьезность все же уступала место великолепно отрететированной ухмылке. На ней были ее лучшие одеяния – с жарой она справлялась с помощью магии.

– Мы приближаемся к концу нашего путешествия, Ли-Минь, но, похоже, мы несколько не приблизились к разгадке тайны этого бесконечного лета, – сказал я.

– Я не могу найти объяснения, учитель. Мне кажется, что-то поглощает пустыню, будто грани реальности начинают расплываться, как если смотришь куда-то вдаль во сне, – ответила она.

– Возможно, это океан огня и расплавленного камня, что простирается под нами.

– Или солнце, висящее над нами? – в ее голосе чувствовалось раздражение. – Ты не принимаешь мои слова всерьез, но я уверена – эту погоду нельзя объяснить естественными причинами. Когда я просматривала городские архивы...

– Немалый подвиг с учетом того, что тебе запрещено покидать Святилище Ишари.

Она смерила меня уничтожающим взглядом. – Я изучила все записи, связанные с погодой. В истории нет примеров настолько длительных периодов жары. А если она не прекратится, даже оазис Далгур может пересохнуть.

– С этим я спорить и не собираюсь.

– Но это еще не все, – сказала Ли-Минь. – В воздухе есть нечто, непохожее на все, что я ощущала раньше. Воздух должен быть прохладным, но это не так. Ветра должны стихнуть, но они не стихают.

– Возможно, ты ищешь объяснение тому, что нельзя объяснить? Мы, конечно, многое знаем и об этом мире, и о звездах, однако все это может быть настолько же естественным, насколько естественной была эпоха снега и льда. Ты моложе меня, и тайны вселенной все еще кажутся тебе чем-то новым.

– Если ты веришь в это, учитель, зачем мы здесь? – спросила она.

Я рассмеялся. – Твоя взяла.

Ли-Минь посмотрела на вырвавшийся перед нами городок. – Наш мир полон великой магии. Вспомни Мертвые земли. Уничтожена целая страна... и можно ли с уверенностью утверждать, что начиналось все вовсе не с похожих катаклизмов? Прошло почти двадцать лет с тех пор, когда по этой самой земле ступали владыки Преисподней. Изендра рассказала мне о несостоявшемся вторжении. Возможно, оно все-таки состоится, и скоро.

– Иногда я задумываюсь, настолько ли ты жаждешь начертать собственную судьбу, что ради этого будешь готова разрушить наш мир, – промолвил я.

– Это моя судьба. И совсем скоро придет мой час, – ответила она.

Ли-Минь была в этом уверена, и Изендра поддерживала ее в этом убеждении. Девушка верила, что защитит мир от вторжения демонов Преисподней, как когда-то сделала ее бывшая наставница. Уверенность в этом она почерпнула из пророчества, найденного ей в одном из многочисленных томов в библиотеке. В пророчестве подробно описывались знамения, предвещавшие возвращение владык Преисподней. Изендра не раз пыталась убедить меня в истинности пророчества, однако я сохранял пессимизм, хотя и не забывал об опасностях, что оно предвещало.

У Ли-Минь было множество талантов, но лучше всего ей давалось чтение магии. Она была весьма проницательной девушкой и с легкостью могла разглядеть внутренние структуры заклинаний. Однажды я спросил у нее, каково это – видеть, как она. Ли-Минь описала мне невидимые нити магии, ауры тайной энергии, которые вихрями кружат вокруг магов во время произнесения заклинания, а также остаточные изображения, подобные зеленым и красным точкам, что вспыхивают в глазах после того, как

посмотришь на солнце. Она могла понюхать магию, попробовать на вкус, видеть и осязать ее. И если бы Ли-Минь сказала мне, что бесконечное лето – дело рук некоего смертного или иных сил, я был бы склонен согласиться с ней, поскольку и сам считал так же. Однако я держал эти мысли при себе, ведь если это окажется правдой, то возникнет другой вопрос – что же все это значит.

Калдей располагался на протяженной плоской равнине, возвышавшейся над пустыней. За краем равнины, у основания отвесных уступов, и находился Лут-Баадур. Над городскими стенами можно было заметить ветряные мельницы, крылья которых неторопливо и обыденно вращались на ветру, однако многие из них были поломаны яростными потоками воздуха. Для защиты от палящего солнца на балки, торчащие из-под глиняных крыш, была натянута рваная выбеленная холстина. Это, впрочем, почти не помогало – жара не отпускала даже в тени. Почти все жители города закрывали лица тканью, подобно мне, и все, что я мог разглядеть, – их глаза, полные страха или безнадежности.

Город умирал.

Ли-Минь воспользовалась одним из своих любимых заклинаний: вокруг нее тонким слоем циркулировал холодный воздух. В раскаленном воздухе лед испарялся почти сразу после того, как она его создавала, и со стороны казалось, что Ли-Минь окружает легкий туман. Спешиваясь с верблюда, она проигнорировала стремя и медленно опустилась на землю, несомая невидимыми течениями, что привлекло внимание нескольких человек на улице.

– Стоит ли тебе столь неосторожно пользоваться магией? – спросил я с досадой в голосе.

– Эта жара ужасна, учитель. Я не понимаю, как ты ее выносишь, – отозвалась она.

– Я терплю ее потому, что должен, – ответил я, слезая со своего верблюда. – Твое поведение не добавит нам друзей.

– Мое поведение беспокоит тебя лишь тогда, когда у тебя есть повод сделать мне выговор, – сказала Ли-Минь.

– Но если это случается столь часто, можно ли меня в этом винить?

Несмотря на собственные протесты, она все-таки рассеяла заклинание, подходя ко мне. Водяная взвесь, окружавшая ее, исчезла, выпитая воздухом пустыни.

– Мы здесь для того, чтобы наблюдать и задавать вопросы, не более, – напомнил я Ли-Минь.

– Наблюдать и задавать вопросы. Не более, – эхом отозвалась она.

– Займись верблюдами, – сказал я, не поддаваясь на провокацию.

– Я думала, мне нужно наблюдать.

– После того, как разберешься с верблюдами, – ответил я. – Я разыщу Изендру.

– Она в городе? – лицо Ли-Минь просветлело.

– Да. Жди меня здесь, – сказал я. – И вот еще что, Ли-Минь...

– Да, учитель? – в голосе ее прозвучала забота.

– Постарайся не ввязываться в неприятности.

Она ухмыльнулась.

Лут-Баадур, спрятавшийся у стены каньона, был надежно защищен от жгучего ветра, дувшего с запада на восток, однако когда ветер дул с других сторон, спасения от него не было. Судя по всему, горожане когда-то пытались соорудить ветролом, но он давно рухнул. В тот день ветер дул с востока, но не настолько сильно, чтобы находиться на улице было опасно. Ли-Минь привязала верблюдов возле колодца и заглянула внутрь. Мне не нужно было проверять колодец, чтобы понять, что он пуст. Вода обычно хранилась в кувшинах, впрочем, вряд ли их запасы были сколь-либо значительными. В тени от рваного полотнища, сквозь дыры в котором пробивался солнечный свет, сидело несколько мужчин. Я направился к ним спросить, где я могу найти волшебницу.

Внезапно земля под ногами вздыбилась, по ней будто прокатились волны, и мощный толчок сбил меня с ног. Пошатнувшись, я упал в утрамбованную грязь. Оглянувшись, я

увидел, что Ли-Минь подняла руки на уровень плеч; пальцы ее, казалось, дергали невидимые веревочки, управляя марионетками кукольного театра.

Так это она заставила землю вздыбиться!

– Ли-Минь! Что ты делаешь? – крикнул я; земля подо мной продолжала трястись.

– Иди сюда и посмотри сам, – сказала она с нескрываемой гордостью в голосе, указав на колодец. Я встал и подошел к колодцу. Земля все еще дрожала. Наклонившись через край, я заметил внизу слабое мерцание воды, сочившейся сквозь сухую корку на дне колодца. Ли-Минь дала городу воду. Воду, необходимую для выживания.

– Я нашла воду глубоко под землей. Похоже, это подземная река, что течет в оазис Далгур. И я перенесла ее течение так, чтобы она наполняла колодец. Этот город...

– Довольно, – суровым голосом прервал я ее. – Я тебя предупредил – мы здесь с тем, чтобы наблюдать и задавать вопросы. Не более.

– Мы могли бы сделать куда больше, учитель. Можно построить новый ветролом или починить старый, разрушенный песчаными бурями. Ты всегда говоришь, что мы не должны ничего делать. Но для чего нам даны наши способности, если не для того, чтобы помогать людям? – спросила она. – Я много думала об этом, учитель. С помощью нашей магии мы могли бы обратить жару в холод и положить конец этому лету.

– Мы ничего не будем делать. Мы не вправе делать подобные вещи. И ты лучше, чем кто-либо еще, должна понимать, что может произойти, если мы попытаемся столь радикально изменить погоду в таких масштабах, – упрекнул я ее. – Неужели ты уже забыла о своей неудаче?

– Я уже не та девочка, которой была когда-то. Я многому научилась. И я никогда не оставлю людей страдать! – ответила Ли-Минь. – Объясни мне, почему мы не можем им помочь. Объясни, почему помогать – неправильно.

Я указал на колодец, в котором булькала вода. – Откуда течет эта вода? Куда она текла ранее? Как мы заплатим за то, что вода, текшая в оазис, теперь течет сюда? Ты не можешь

создать нечто из ничего. Ты решаешь одну проблему и создаешь десяток других. Ли-Минь была молода, и ее не заботили подробности. Она действовала импульсивно и видела лишь то, что происходило здесь и сейчас.

– Вода там и была, учитель. Люди могли бы и сами выкопать колодец поглубже. Я упростила им эту задачу.

– Твой альтруизм – хорошее качество, Ли-Минь, но мы, маги, не можем позволить себе подобные вещи. Да, бывают времена, когда нам дозволено использовать магию в помощь людям, но не постоянно и не везде. Кроме того, мы обязаны взвесить все «за» и «против» и лишь потом действовать. И это не повод для дискуссии. Ты должна меня слушаться.

– Но Ли-Минь права, – прозвучал в ответ женский голос.

– Изендра! – воскликнула Ли-Минь, подбегая к волшебнице; та нежно ее обняла.

– Это не наша забота. И не твоя, – сказал я. – Ли-Минь, позволь мне поговорить с Изендрой. Наедине.

Ли-Минь нахмурилась и открыла было рот, но все-таки послушалась и оставила нас. Она присоединилась к мужчинам и женщинам, собиравшим кувшины и другие сосуды, чтобы наполнить их вновь обретенной водой. Я проводил ее взглядом.

– Если проблемы этих людей – не наша забота, зачем же мы здесь? – спросила Изендра.

– Иногда вы с ней слишком похожи, – проворчал я. – Она говорит о том же.

– И как она?

– Годы ее почти не изменили. Она все так же импульсивна, как в тот день, когда мы с ней познакомились. Иногда я задаюсь вопросом, не допустили ли мы ошибку, взявшись за ее обучение.

– Ее не устраивает текущее положение вещей. Она хочет дать людям лучшую жизнь.

– Она не думает о цене. Она живет здесь и сейчас. Однако люди вроде тебя и меня должны смотреть дальше. Это наше бремя как руководителей магических кланов.

– Ли-Минь, возможно, права. Мы трое – самые сильные маги в сегодняшнем мире. Между нами... тебе не кажется, что мы вполне могли бы покончить с этим летом и восстановить обычный порядок времен года?

– Эта идея – плод эмоций, а не рассуждений, – сказал я. – Мы не можем изменять погоду. Это не сработает.

– Ли-Минь бы так не сказала, – ответила Изендра.

– Ты не Ли-Минь. Она всего лишь глупая девчонка.

– Ты видишь в ней девчонку. А я – женщину, которая, возможно, спасет этот мир.

– Пророчество. Судьба, – я пожал плечами. – Кто знает, что принесет нам завтрашний день? Если пророчество все-таки сбудется, ты и я встретим врага лицом к лицу, и, может быть, с нами будет Ли-Минь. Но она – далеко не единственная. И откуда нам знать, правдиво ли пророчество? Владыки Преисподней должны были атаковать двадцать лет назад. Бояться мы должны в первую очередь себя самих.

– На старости лет ты поддался робости и стал боязливым, – сказала Изендра.

– Ты же поддалась безрассудству, – ответил я. – Тебе не нужно вмешиваться в эти дела.

– Я сделаю то, что должна, – промолвила Изендра, уходя. – Как и ты.

Когда Изендра ушла, я продолжил наблюдать за Ли-Минь. Она ухаживала за ребенком, что потерял сознание от жары. Его мучила лихорадка. Щеки его покраснели, а на коже выступили крупные капли пота. Ли-Минь сотворила заклинание, и от ее ладоней повеяло холодом. Она поднесла их к лицу мальчика, и тот спокойно вздохнул; слабый ветерок скользил по прядям волос, спутавшихся на его лбу.

– Спасибо, – сказала мать мальчика. – Я слышала разговор тех двоих, но ты вернула нам колодец и спасла моего сына. Вряд ли это неправильно.

Ли-Минь улыбнулась, вставая, но когда она подошла ко мне, лицо ее помрачнело.

– Эти люди умрут, – сказала она.

– Возможно. Но наше вмешательство этого не предотвратит.

– Откуда нам знать? – спросила Ли-Минь, ища мой взгляд своими карими глазами. – Увидишь ли ты их лица во сне?

– И их, и многих других. Это наше проклятие, Ли-Минь, и когда-нибудь ты познаешь всю эту боль, – я мягко коснулся ее плеча. – Пойдем.

* * * * *

Я помню, что уже рассказывал тебе большую часть этой истории в прошлый раз, но тогда я не упомянул о роли Ли-Минь в этом деле, поскольку меня на тот момент больше всего беспокоила Изендра. Ты, несомненно, согласишься с тем, что я действовал по правилам, но я, все-таки, не чудовище. Как и всегда в подобных ситуациях, я ощутил глубокую печаль из-за того, что не мог поступить так, как того хотелось Ли-Минь, и помочь жителям Лут-Баадуре. Это был не первый и не последний наш спор на эти темы. Я симпатизировал ее убеждениям куда больше, чем она предполагала.

Наша с тобой первая встреча состоялась чуть позже – меня беспокоили возможные планы Изендры и то, что она могла бы предпринять. Я был уверен в том, что для нее этот вопрос не был закрыт.

Подозреваю, ты в курсе по крайней мере части последующих событий и что тебе известны подробности, неизвестные мне. Примерно тогда, мне кажется, Ли-Минь и начала склоняться к решению, которое привело нас к этой катастрофе.

* * * * *

Прошло несколько месяцев после описываемых мной событий. Однажды глубокой ночью дверь моей комнаты закрипела, и вошла Ли-Минь. У нее не было привычки стучать – особенность характера, с которой мне пришлось смириться. Впрочем, последнее время она достаточно редко наносила мне визиты. Выглядела она, пожалуй, внезапно разбуженной. Свои одеяния, обычно безупречные, в этот раз она явно набросила в спешке; в ее глазах, всегда отлично прятавших ее мысли, я легко мог прочитать беспокойство.

– Ты почувствовал? – спросила она.

– Нет.

– На востоке сработало мощнейшее заклинание. Недалеко отсюда. Нам нужно ехать, учитель, – сказала Ли-Минь. – Что-то случилось.

– Мы можем отправиться утром, – ответил я.

– Неужели ты настолько нуждаешься в отдыхе, старик? – раздраженно спросила она, однако тут же посерьезнела. – Это заклинание Изендры, учитель.

Я промолчал, боясь, что голос подведет меня. Ли-Минь была права.

Мы покинули Святилище Ишари и направились в Лут-Баадур. По календарю была зима – третья с начала бесконечного лета, но ночной воздух был столь же сух и горяч, как и в середине дня, и лишь отсутствие солнца слегка смягчало жару. Казалось, я стоял возле печи стеклодува. С меня градом катился пот, а одеяния липли к телу.

В пути Ли-Минь не произнесла ни слова.

Когда мы прибыли, в Лут-Баауре царил тишина. Не было слышно ни звука, только привычно свистел ветер, даже в этот поздний час гоня по пустыне песок и пыль, да слабо хлопала на ветру кожи и одежды, висевшие на веревках возле каждой хижины. Фонари все еще горели, но на улицах не было ни души. Однако меня насторожило совсем не это.

Воздух был холоден.

Когда мы въехали в город, по моим плечам и рукам пробежала дрожь. Меня коснулся холодный ветер, которого я так давно не чувствовал, что мое тело поначалу отвергло возможность самого его существования. Я ощутил, как мои мускулы расслабляются, будто легкие прикосновения бриза избавляли их от напряжения, созданного бесконечной жарой.

Ли-Минь создала сферы света и послала их вперед по улицам городка, их слабое мерцание подсвечивало землю и стены домов. Это было чем-то новеньким. Такого заклинания я еще не видел.

– Что это? – спросил я ее.

Ли-Минь проигнорировала мой вопрос. – С воздухом что-то не так, чувствуешь?

– Он холоден, – ответил я.

– Нет, не в этом дело, – сказала Ли-Минь. – Воздух наполнен электричеством. Я ни разу не ощущала его настолько четко, поэтому не знаю, вызвано ли оно заклинанием или чем-то совсем иным. Она замолчала. Я буквально ощущал излучаемое моей ученицей беспокойство.

Ли-Минь устремилась вперед по кривым, постоянно поворачивающим улочкам; я последовал за ней. Тишина в городе была неестественной, даже с учетом времени суток. Навесы, днем защищавшие улицы от солнца, беззвучно трепетали на стихающем ветру. Вокруг не было слышно ни единого звука, кроме наших шагов. В моих ушах тревожно стучало сердце. Мы с Ли-Минь еще некоторое время шли по пустынным улицам, пока, наконец, она не подошла к решетчатой двери одного из домов и толчком распахнула ее.

– Что ты делаешь? – прошипел я, нагнувшись, чтобы последовать за ней внутрь. Хруст грязи под моими сапогами, казалось, можно было услышать с другого конца города.

Я уже было открыл рот, собираясь отчитать ее, и протянул руку, чтобы схватить ее за плечо, когда слова замерли у меня на губах. Казалось, время в этом доме остановилось. За

большим столом сидели двое взрослых и ребенок, совершенно не обратившие внимания на наше вторжение. Они были бездвижны и холодны, подобно статуям. Губы женщины были приоткрыты, но слово, что готово было с них слететь, так и не прозвучало. Мужчина, сидевший рядом с ней, обернулся к ребенку, тянувшему руку через стол. Еду, похоже, приготовили и подали совсем недавно, но от нее не исходило тепла. Казалось, лунный свет вытянул из сцены, что предстала передо мной, все цвета и жизнь.

– Что здесь произошло? – прошептал я.

– Точно не знаю, – сказала Ли-Минь, обходя комнату; она изучала невидимые сплетения магических энергий, недоступные моему зрению. – Форма заклинания со временем исчезает. Представь себе попытку определить, насколько сильной была буря, по лужам на земле и оставшимся в небе облакам.

Я вышел обратно на улицу, чтобы не видеть эту жуткую картину. Спустя несколько минут вышла и Ли-Минь.

– Она попыталась охладить воздух, убрав из него жар, но утратила контроль над заклинанием. Холод вырвался на свободу, и воздух замерз.

– «Она»? – спросил я, уже зная ответ.

– Изендра. Я узнала рисунок ее магии, как легко узнаю рисунок твоей. Кроме того, магов, что могли бы решиться применить подобное заклинание, очень мало.

– Как это случилось?

– Ей не хватило сил. Возможно, вначале заклинание сработало, но когда оно набрало мощь, его структура ослабла и рассыпалась, – голос Ли-Минь дрогнул. – Это моя вина.

– Изендра может нуждаться в нас, – промолвил я. – Надо ее найти.

Ли-Минь снова сотворила сферы света, чтобы осветить дорогу. В каждом доме нас встречала одна и та же картина: застывшие фигуры людей и животных – казалось, что мы находимся на некоем тихом кладбище. И ни следа Изендры.

Нашли мы ее лишь спустя час. Хижина ничем не отличалась от остальных, но Ли-Минь была уверена – это дом Изендры. Прежде чем открыть дверь, сколоченную из деревянных реек, она секунду помедлила. Я последовал за ней внутрь.

Внутри этот дом отличался от прочих. Если в других домах их обитатели спокойно сидели, лежали или стояли посреди жуткой тишины, то здесь, очевидно, несколько часов назад развернулась ожесточенная борьба. На стенах из глиняного кирпича, там, где их коснулся огонь, были заметны черные следы. Столы, стулья и прочая мебель были опалены и перевернуты; сильно пахло горелым. И здесь даже я ощущал нечто, но не те признаки присутствия магии, что видела повсюду Ли-Минь. Это была некая первобытная, инстинктивная реакция – я почувствовал, как шевелятся мои волосы. Тогда-то мне и открылось то, что я опасался увидеть: тело Изендры, валявшееся, подобно небрежно брошенной кукле. На деревянном полу можно было заметить лужи крови, вытекшей из ран на ее руках и животе. Ее кожа местами почернела, а голова была неестественно вывернута. Пустые глаза смотрели на половицы.

Ли-Минь бросилась к Изендре и опустилась на колени. Она обняла безжизненное тело волшебницы; по лицу ее текли слезы.

– Что здесь произошло, учитель? – спросила она.

Я лишь покачал головой. Мы еще некоторое время провели в молчании, скорбя; наконец Ли-Минь бережно опустила тело Изендры обратно на пол и поднялась на ноги.

– Огонь, что полыхал здесь, был не только волшебным, – сказала Ли-Минь. – Магия заклинания Изендры уже рассеивается, но некая часть того, что я здесь ощущаю, добавилась позже.

– Результаты потери магом контроля над заклинанием могут быть хаотичны и необъяснимы, – промолвил я. – Я не раз видел подобное.

– Ее убила не магия, учитель, – ответила Ли-Минь.

– Возможно. Но именно ее заклинание привело к этому результату. Город уничтожен. Изендра мертва. Кого она защитила? Кого спасла? Ответь мне! – мой голос в неестественной тишине прозвучал куда громче, чем обычно.

– Ты слеп, – сердито ответила Ли-Минь. – Изендра попыталась им помочь. Это лучше, чем все, что ты когда-либо сделал за свою жизнь. Я не буду молча стоять и смотреть на мучения людей. Больше не буду. И уж точно не буду молчать, когда придет время и мир будет нуждаться во мне.

– Придется ли людям заплатить своими жизнями за твою неудачу, как этот город заплатил за неудачу Изендры? Пожертвуешь ли и ты невинными людьми ради своих подвигов? – спросил я.

– Нет, – тихо сказала Ли-Минь.

На доли секунды моя блестящая ученица, казалось, превратилась в ту девочку, которую когда-то привела ко мне Изендра. Я печально смотрел на тело моей давней знакомой; умерев, она казалась непохожей на себя. Более я не произнес ни слова.

Когда настало время идти, Ли-Минь подожгла хижину при помощи одного из своих заклинаний; Изендра, ее бывшая наставница, спокойно лежала на полу. Глаза старшей волшебницы были закрыты; долг ее – выполнен. Огонь набирал силу, пламя вздымалось все выше, и на лице ее выступали и скатывались вниз, подобно слезам, капли воды. Я взял Ли-Минь за руку, уводя от горящего здания.

Глаза Ли-Минь встретились с моими. В них все еще читались печаль и гнев, но сильнее всего в них полыхала мрачная решимость. «Я не потерплю неудачу.»

Мы прошли сквозь безмолвный городок, погружившись в свои мысли. Осознание того, что скрывалось за стенами каждого из домов, вызывало у меня непомерную печаль. Уезжая, я оглянулся назад, на Лут-Баадур, на его узкие горные улочки, освещенные светом тысяч мерцающих фонарей, постепенно исчезающих в ночи, словно рой светлячков.

* * * * *

Думаю, именно тогда Ли-Минь начала осознавать опасность, заключающуюся в своих действиях, а также то, к чему приводят неудачи. Мы больше не говорили о смерти Изендры до самой последней нашей встречи. Знала ли Ли-Минь, почему умерла Изендра? Знала ли она, как погибла ее бывшая наставница?

События, развернувшиеся в Лут-Баадуре, нисколько не уняли жажду знаний, свойственную Ли-Минь. Она была одержима учебой, чтобы добиться успеха там, где Изендра потерпела неудачу. Она проводила почти все свое время в библиотеке и вечно пробиралась туда, куда ей ходить было запрещено, и несмотря на все мои усилия, удержать ее от этого было невозможно. Она изучила магию управления временем по текстам, оставленным магами, что научились продлевать собственные жизни, во много раз превышая отпущенные обычным людям сроки. Она узнала о тех, кто добился такой мощи, что даже смерть не замечала их – магах вроде Золтуна Кулла, безумного чародея, заменившего кровь в своих жилах песками времени; убить его было невозможно – лишь заключить в темницу. Знание невидимой паутины тайных сил позволило ей изучить перемещение из одного места в другое при помощи магии телепортации. Она освоила мастерство создания живых иллюзий и могла создать две точных копии себя, повторяющих все ее действия. В библиотеке нашлись свитки и диаграммы, объяснявшие, как пренебречь и даже управлять невидимыми силами вселенной. Мощь ее росла и росла, а с ней – и мое беспокойство.

Когда мы с тобой встретились впервые, я просил тебя следить лишь за Изендрой, опасаясь безумств, на которые она могла бы пойти. И я не оспариваю принятое тобой решение.

Прошло совсем немного времени с тех пор, и Ли-Минь сделала свой выбор.

* * * * *

Главный зал Святилища Ишари – это огромная восьмиугольная комната со сводчатыми потолками, на которых изображены сцены из истории кланов магов Калдея. Восемь дверей ведут в коридоры и другие помещения, ни одно из которых, впрочем, не может поспорить с величием этого зала. Каждая пядь его стен покрыта поражающими взгляд гобеленами, а каменные плиты пола были доставлены из карьеров за Двумя морями.

Войдя в зал, я обнаружил в его центре ожидавшую меня Ли-Минь; она разглядывала узоры на полу. В помещении не было никого, кроме нас двоих.

– Я не хотела отправляться в путь, не сообщив тебе, – сказала она, заслышав мои шаги. – Я в долгу перед тобой и решила, что обязана предупредить тебя о своем уходе.

– И куда же ты направляешься? – спросил я.

– Сегодня небеса расчертила звезда. Она упала на западе. Это знамение, которого я ждала. Ты, как и я, читал о пророчестве. Ты знаешь, что это означает. Двадцать лет назад мы ждали так и не состоявшегося вторжения сил Преисподней. Каждый день я слышу на базаре новые мрачные вести, и теперь я уверена. Пришел мой час.

– Твое место – здесь, в Святилище Ишари. Ты подобна яркой искре, а мир наш – сухому хворосту. Ты не можешь контролировать себя, и если я позволю тебе уйти, ты можешь сотворить нечто, что будет страшнее любых подвластных моему воображению картин апокалипсиса.

– Мне больше нечему учиться у тебя, – сказала она.

– Помнишь ли ты тот день, когда мы впервые встретились, Ли-Минь? Ты знаешь больше, чем тогда, но мудрости в тебе не добавилось. Если ты покинешь Святилище, то станешь лишь одной из многих чародеев.

– Мне не нужна твоя мудрость. Я уже чародейка, и я защищу мир, если маги не собираются этого делать, – она отвернулась от меня. – Отпусти меня навстречу моей судьбе. Тебе же среди твоих книг и страхов ничто не угрожает.

Я поднял руки и, прибегнув к помощи тоненького ручейка магии, потянул на себя створки дверей, ведущих из Святилища. Они с грохотом захлопнулись одна за другой, пока мы двое не оказались запертыми в зале.

– В таком случае я должен остановить тебя, – я аккуратно закатал длинные рукава моих одеяний. – Ты была моей лучшей ученицей, Ли-Минь, и я надеялся, что когда-нибудь ты займешь мое место и станешь управлять кланами магов. Я верил, что ты сможешь превзойти меня. Мне жаль, что все так вышло. Похоже, и потерпел неудачу.

– Ты был хорошим учителем. И я запомнила твои уроки. Но ты никогда не поймешь суть того дара, что мы получили. И именно поэтому я превзойду тебя, – сказала она, и комнату наполнило эхо ее слов.

Я заметил, как глаза ее сузились – признак сосредоточения. Пламя факелов, висевших высоко на стенах зала, замерцало в потоках энергии, вбираемой нами. Ли-Минь опустила руки, изогнув пальцы. Мы стояли друг напротив друга, подобно двум недвижимым скалам посреди реки. Я опустил посох, выставив его перед собой и используя его как точку сосредоточения магической энергии.

– Не задумывался ли ты, учитель, кто из нас двоих сильнее? – спросила она.

– Нет, – улыбнулся я, – не задумывался.

Я ждал, пока Ли-Минь начнет действовать. Она создала огненные шары, которые вобрали в себя свет факелов. Даже дневной свет, проникавший в зал снаружи, казалось, потускнел; но то была лишь иллюзия – это мои глаза привыкали к темноте. Полыхающие сферы устремились ко мне. Я отбил их, направив в плитки пола; они опалили мрамор, не коснувшись меня. Воздух вспыхнул, и мне на секунду перестало хватать воздуха. Ли-Минь с удивлением посмотрела на меня, но тут же вновь пошла в атаку. Вырвав из потолка огромные каменные глыбы, она подожгла их и обрушила на меня. Я поднял посох над головой и вызвал силовую волну, которая разошлась от меня во все стороны, образовав мерцающий расширяющийся купол. Упавшие на купол метеоры обратились в пыль, а обломки покрупнее со стуком рассыпались по полу. Этот полупрозрачный щит защитил меня от удара, но отдача от него болью прокатилась по моему телу. Будь я

моложе, я бы почти не обратил на это внимания, но годы брали свое, и мне пришлось опуститься на одно колено. Мраморные плиты пола вокруг меня треснули и вздыбились, подобно разбитому зеркалу, от мощи пришедшегося по ним удара, и даже Ли-Минь была вынуждена сделать пару шагов назад.

– Тебе придется придумать что-то получше, – сказал я.

Ли-Минь зарычала от разочарования. Из ее ладоней выстрелили тонкие лучи переливающегося всеми цветами радуги огня, устремившись ко мне, и я успел только отскочить в сторону, избежав их извивающихся лезвий. Они резали камень, как нож режет масло. Дуги пламени рассекли мраморные плиты пола, и я почувствовал, как пол под мной начинает обваливаться. Я потянулся к камням, что угрожали обвалиться, и связал их невидимой нитью. Убери я эту нить – и пол обрушился бы вместе со мной. Под большим залом находились катакомбы, и я справедливо полагал, что не переживу падения. Удерживать все на месте было тяжелой задачей, и костяшки моих пальцев, обхвативших посох, побелели.

Ли-Минь посмотрела на растрескавшийся и вздыбившийся пол зала в том месте, где я стоял. По мановению ее руки камень под моими ногами рассыпался в пыль. Когда-то Изендра научила меня одному трюку, и теперь он всплыл в моей памяти. Вот я стою на обваливающейся плите... а вот, спустя доли секунды, я появляюсь в нескольких метрах от нее на твердом полу. Агония после телепортации, даже на столь малую дистанцию, была безмерной. Меня будто разорвали на тысячу кусочков, а затем снова сшили горящими нитками. И неизвестно, какое из этих двух ощущений вызывало более сильную боль. Потом Ли-Минь уничтожила и эту опору, и я снова переместился. Мы продолжали этот танец еще некоторое время, однако скорость моей реакции с каждым таким обменом ощутимо снижалась, и этой бой начинал сказываться на моем хрупком старом теле.

Я вонзил посох в пол, удар этот вызвал раскат грома. В мгновение ока зал наполнился всполохами молний, и там, где они ударились в пол, он взорвался, наполнив воздух градом осколков мрамора. Молния, взорвавшись с характерным резким звуком, скакнула в сторону Ли-Минь. Но не достигла цели. Зубчатые струи света застыли в воздухе, когда Ли-Минь вытянула руки, глубоко сосредоточившись. Я же, нисколько не обескураженный

произошедшим, продолжил призывать молнии; гроза все усиливалась. Молния раскрытым веером нависла над Ли-Минь, набирая силу, пока та, наконец, не уступила мощи стихии. Электрическая дуга прошла сквозь Ли-Минь и швырнула ее на пол; вокруг рассыпались каскады искр и яркого белого света.

Ли-Минь исчезла.

Не зная, что она замышляет, я поджег грозу, и она превратилась в адское пламя, заполнившее все пространство зала. Огонь опалял и меня самого, угрожая лишиться последних сил. Когда Ли-Минь вновь появилась в поле моего зрения, ее охватило пламя, и я услышал ее пронзительный вопль. Я подошел к ней; мраморные плиты ощутимо колебались под моими ногами. Не забывая о заклинании, что удерживало пол, я поднял посох над своей ученицей.

Земля под моими ногами показалась мне надежной опорой, и, стоя над ней, я порадовался тому, что пол все еще удерживал мой вес.

– Тебе еще многому нужно научиться, Ли-Минь.

Я ударил в нее посохом, однако тело Ли-Минь, в которое должен был прийти удар, испарилось на моих глазах.

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть ее у себя за спиной. Открыв рот, я попытался произнести заклинание, любое заклинание, и в этот момент раздался взрыв. Я потерял контроль над заклинанием, которое удерживало на весу разбитый пол подо мной. Плиты под моими ногами вздыбились и раскололись. Все ухнуло вниз. Я падал все ниже во тьму, пока, наконец, не врезался в холодный каменный пол катакомб.

Меня, разбитого и потрепанного, окружали запахи гари и пыли. Ли-Минь, паря в воздухе, приблизилась ко мне и опустилась рядом на колени.

– Ты думаешь, что я не усвоила твои уроки, но это не так. Я поняла урок, который мне преподала смерть Изендры. Но моя сила дана мне не просто так, и эта сила – мое бремя. Я воспользуюсь ей. Я не боюсь ее, как боишься своей силы ты.

– Что, если ты не сможешь ей управлять? – с трудом проскрежетал я. – Сила, что дарована тебе, может уничтожить весь мир.

– Значит, такова его судьба, – она повернулась ко мне спиной. – У меня остался один вопрос, учитель.

Я промолчал, ибо знал, какой вопрос она задаст. Больше ей у меня спросить было нечего.

– Почему умерла Изендра? Расскажи мне правду, – попросила она.

– Я знаю об этом не больше, чем ты.

Ли-Минь кивнула и шагнула в воздух.

Я открыл было рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент на меня навалилась темнота.

* * * * *

Когда спустя несколько дней я пришел в себя, Ли-Минь уже не было в городе. Никто не знал, куда она направилась. Мне сказали, что скрыть случившееся не удастся – столб дыма над Святилищем можно было увидеть из любой точки Калдея, а следы нашей битвы отпечатались на иссеченных и расколотых глыбах камня.

На этом заканчивается мой рассказ о чародейке и наступает время принять решение. Когда маги угрожали уничтожить наш мир, глава Визджереев основал орден убийц, охотников за магами. Их задачей было не позволить нам достичь такой мощи, которая бы поставила под угрозу все сущее. Стоя здесь перед первым из ордена убийц, как стою сейчас я перед тобой, глава вынес смертный приговор многим великим магам.

Для меня это – второй подобный приговор.

Полагаю, она догадалась, что это я послал тебя наблюдать за Изендрой, но все же оставила меня в живых, зная, что, приговорив Изендру к смерти, я могу приговорить и ее.

Не забывай, однако, что Ли-Минь не солгала. В нашей библиотеке можно найти книги, описывающие события, которые, возможно, вскоре развернутся на наших землях. Все начинается со звезды, упавшей с небес, и такая звезда действительно упала в тот день, когда я сразился с Ли-Минь.

Я знаю истинную природу магии, и я знаю, кто я и что я. Ли-Минь – тоже. Но она выбрала иной путь. Такова загадка, стоящая перед нами, убийца. Я не слепец – я вижу зло, что преследует нас, но я опасаюсь того, что может предпринять Ли-Минь. И посему я приговариваю к смерти свою лучшую ученицу, которая, возможно, является единственной надеждой на спасение нашего мира, и молюсь о том, чтобы это решение было верным.

Но я вспоминаю девочку, что стояла передо мной в этой самой комнате, ничего не боясь. Я помню самоотверженную молодую женщину, что мечтала делать добро, для которой не существовало слишком сложных задач и которая не знала невозможного. Женщину, которая обращалась ко мне за советами.

Она сделала свой выбор. Сделал свой выбор и я.